

Иван Вернадский

О внешней торговле

Иван Васильевич Вернадский

О внешней торговле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22552024

Аннотация

«Никто в настоящее время, конечно, не сомневается, что человек рожден для общества, составляющего его природную стихию и единственную среду, в которой возможно его развитие и благосостояние; но если отдельный человек не создан для грустного уединения, то и народы не могут довольствоваться совершенно замкнутой в самой себе жизнью...»

Иван Вернадский

О внешней торговле

Etudes sur les foress productives de la Russie par M. L. de Tegoborski, Tome quatrieme. Paris. Jules Renouard et C-ie, libraires-editeurs, 1855, 8.

Никто в настоящее время, конечно, не сомневается, что человек рожден для общества, составляющего его природную стихию и единственную среду, в которой возможно его развитие и благосостояние; но если отдельный человек не создан для грустного уединения, то и народы не могут довольствоваться совершенно замкнутой в самой себе жизнью. Взаимное общение между ними составляет необходимое условие их бытия и возможного успеха. Это общение выражается в действительности многоразличными формами внешних сношений, из которых едва ли не важнейшей должно признать внешнюю торговлю. Уничтожьте ее, – и взаимная связь между нациями ослабевает, народные способности, лишённые поддержки и соревнования, отупеют, дурные страсти узкого эгоизма получают большую силу, грубое невежество и сонливое самодовольство займут место образования и пылкости, и все общество представит безотрадный вид окаменелости и умственного застоя. Современная статистика представляет нам подобный пример в крайнем азиатском Востоке, этом последнем приюте отжившей системы народной ис-

ключительности. Внешняя торговля содействует к возвышению уровня народного сознания и народной энергии до общечеловеческого значения; утверждает на незыблемых основаниях народное преуспеяние и народное образование, доставляя ему и образцы для подражания, и материал для изучения, и предметы для сравнения. Не удивительно поэтому, что мировое значение почти каждого народа начинается с эпохи его торговых сношений с другими, и что между различными народами земного шара всегда те имели наиболее значения и политического влияния, внешняя торговля которых имела наибольшее развитие. Финикия, Греция, Карфаген, Италия, наконец в настоящее время Англия, представляю нам прямое тому доказательство.

Принимая в уважение такое значение внешней торговли, над которым вообще у нас мало останавливались, мы прежде, нежели перейдем к сочинению автора, приобретшего такой громкий авторитет, считаем излишним указать главные причины и виды ее политического влияния и самые прямые следствия этого влияния.

Всякая торговля есть добровольная мена произведений разного рода, одинаково выгодная для обеих меняющихся сторон. Без этих условий, доброй воли и выгоды, никакая торговля не может существовать, как торговля. Уничтожьте свободу торговых сделок, и вы уничтожите саму торговлю. Никто например не назовет торговлей такие отношения, в которых одно лицо отнимает у другого какую-нибудь вещь

против воли, хотя бы и давая что-нибудь взамен ее: это будет насилие, грабеж, но не торговля. И такой характер остается даже и тогда, когда даваемая вещь будет действительно равносильна отнятой. Солдат, на чужой земле отнимающий у жителя барана и дающий за него золотой, не ведет торговли, как не ведет ее тот, кто требует обмена на свои товары, приставя нож к горлу мирному поселянину. Для правильности сделки необходимо обоюдное согласие, добрая воля меняющихся, из которых бы каждый мог обсудить и меру своих потребностей, и меру своих средств, что при насилии невозможно. Принужденная торговля представляет нам поэтому в понятии почти такую же логическую нелепость, как темный свет или твердая жидкость.

Несмотря на простоту и естественность этих понятий, они, к сожалению, в настоящее время усвоены еще весьма немногими и далеко не проникли в убеждение масс.

Остановимся теперь на другом понятии, выраженном нами в определении торговли. Мы сказали, что выгода при торговле существует для обеих торгующихся сторон. Без всякого сомнения, мы разумеем здесь такую торговлю, которая производится честно и правильно. Обман может временным образом дать перевес одной из меняющихся сторон, но не может изменить обязательной силы экономического закона: выгода, извлекаемая продавцом из плутовской сделки, недолговременна; мошенник-торговец теряет доверие, теряет покупателей, и в заключение более проигрывает, нежели

выигрывает, своим обманом. Торговля с обмером и обвесом в массе торговых сделок страны обыкновенно представляется исключением; потому что тот уже более не обманывает, обман которого известен и принимается в счет при цене товара. Продавец льна, смешанного с паклей, шерсти дурно мытой, кислого вина и т. п., если он получает за продаваемый им товар цену низшую, нежели какая должна была бы ему прийти при должном качестве вещи, обманывает уже не покупателя, а себя. Купец, продающий шампанское вино за цену крымского, не обманывает потребителя: он только лжет.

Мы остановились на этом объяснении для того, чтобы заранее устранить возражения, которые могли бы сделать нам люди, привыкшие видеть в торговле только обман и ложь. Теперь обратимся к нашей мысли об обоюдной выгоде торговли.

Прежде существовало мнение, что в торговле дается равное за равное. Определение это несправедливо: в торговле дается меньшее, или лучше, менее ценное за более ценное, и притом с обеих сторон. Это странное по видимому положение мены объясняется очень легко. Цена вещи зависит между прочим от частного соображения и суждения, диктуемого многими преходящими влияниями и обстоятельствами. Таким образом, очень легко может быть, и большей частью бывает, что два лица ценят различным образом одну и ту же вещь, а тем более вещи различные; и это бывает вовсе даже

не следствием ошибки или незнания, а следствием различной степени ощущения потребностей, различных желаний у того или другого лица в данное время: голодный человек выше всего ценит хлеб, томимый жаждой – воду. Первый готов отдать за ломоть хлеба целый ушат воды; второй целый пуд хлеба за кружку воды. Это и естественно, и справедливо, и в торговле проявляется постоянно, хотя в различной степени. Представим пример: любознательный человек несомненно выигрывает, покупая полезную книгу за целковый: он может найти в ней сведения, которые наведут его на новые мысли или облегчат его изыскания и уяснят известный предмет; книгопродавец со своей стороны выигрывает, получая целковый за книгу, потому что занимаясь специально торговлей, он может пустить его в оборот и взамен его приобрести новое сочинение, которое доставит ему новые барыши, и т. д. Выгода следовательно существует здесь с обеих сторон; и так бывает во всех правильных сделках: все они, удовлетворяя разным потребностям, представляют нам и разные точки зрения, разные сравнения ценностей. Мы оставляем здесь в стороне обстоятельства, которые определяют одинаковые цены на товар на известном рынке, потому что через это мы зашли бы слишком далеко в наших объяснениях. Полагаем, что и сказанного нами довольно для того, чтобы человек, свободный от предрассудков и упрямства, которым предрассудки обыкновенно сопровождаются, понял истинную натуру торговли, всегда обоюдно выгодной, если она не

насильственна.

Внешняя торговля, как и всякая другая, также выгодна и на том же самом основании, если один народ покупает у другого, то это значит, что он ценит получаемое им и для него полезное выше отдаваемого, в котором не имеет нужды. Один, имеющий много хлеба и не имеющий кофе, остается в выгоде, получая последний меной на хлеб; другой, не имеющий хлеба, но имеющий железо, выигрывает, получая хлеб за железо и т. д. И это совершенно естественно: рука Провидения, сотворив человека, положила неразрывную связь для его потомства в разнообразии вкусов и различии почв. Нигде полное благосостояние не может существовать только туземными средствами: везде для него нужен труд разных времен, разных мест и разных дарований. Естественно поэтому и что всякое государство, полное жизни, необходимо увеличивает свои сношения с другими народами одновременно с развитием внутренних своих сил.

Пример нашего отечества сильно говорит в пользу этого положения, и оправдывается целым рядом статистических изысканий. Л. В. Тенгоборский, в короткое время трудами своими приобретший громкую знаменитость, прекрасно развил эту мысль в своих «Исследованиях о производительных силах России». Посвятив первые томы своего сочинения оценке и изложению наших внутренних средств, проявляющихся в развитии земледельческой и мануфактурной промышленности, и сделал очерк внутренней торговли, он

в новоизданном (4-м) томе излагает главные фазы и ход нашей внешней торговли. Эта часть его труда, как и предыдущие, имеет неотъемлемые достоинства ясности и простоты изложения, подробного и добросовестного анализа и просвещенного экономического воззрения. Никакое устарелое, предрассудочное понятие не ускользает от его критики, но в то же время он далек и от всякого одностороннего увлечения. Холодный тон, не допускающий никакой фразеологии, составляет истинную прелесть сочинения.

Этим томом, к счастью, еще не кончаются исследования автора. Поставив своей задачей обнять все главные экономические явления нашей народной жизни, Л. В. Тенгоборский еще подарит нашу читающую публику изложением нашей системы путей сообщения и нашего кредита, так коротко ему извещного. Нет никакого сомнения, что как наука, так и наше отечество много выиграют от его трудов и изысканий. И теперь уже он сумел осветить многие темные стороны предмета и потрясти много предрассудков. Заметим, что он достигает этого тем вернее, что тщательно избегает всякого педантизма в изложении. Это заметно в самом разделении его книги, в котором он избегал малейшего знака заранее устроенной системы. Видно, что автор писал только с целью исчерпать предмет, не сдвигая его в Локустовы рамы какого-нибудь учебника. Такой характер сочинения дает нам право остановиться подробнее и на вышедшей части, тем более, что она касается такого существенного вопроса

народной жизни, как внешняя торговля.

Чем выше народ идет в своем образовании и развитии, тем глубже и яснее он сознает и тем лучше оценивает важность торговых сношений с другими нациями. Поэтому в историческом ходе племен мы видим, как постоянно возрастает значение внешней торговли. Было даже время, когда в ней полагали главную цель внешней политики. Из-за нее велись войны, для нее основывались колонии, она принималась в основу трактатов и международных сношений, ею измерялось народное благосостояние и материальная сила государств.

Настоящее время не разделяет такого увлечения: современная наука, как справедливо говорит и наш автор, доказала преимущество внутренней торговли перед внешней со стороны ценности и влияния на довольство членов государства; но в то же самое время наука не может не признать перевеса внешней торговли со стороны общих интересов человечества, непосредственно представляемых международными сношениями.

В то время как внутренняя торговля своими операциями сближает лица одного государства, сливая их в одну плотную массу, скрепленную бесчисленными хозяйственными выгодами и обязательствами, – внешняя торговля с своей стороны подобным же образом связывает в одно целое народы различных стран и различного происхождения, приводя во взаимное соприкосновение их отдельные интересы и потреб-

ности. Так мы видим в цифрах нашей книги, что внешняя торговля заставляет работать чайного плантатора в Китае на русского беломорца, жителя наших южных губерний на обитателя Британских островов, и последнего на араба или турка. Без личного знакомства, без непосредственных связей человек посредством ее восполняет свою деятельность деятельностью другого, подкрепляет силы туземные трудами иностранными и наглядным образом убеждается в том, что все люди – ближние, все братья и по природе, и по чувству, и по потребностям. Эти идеи высшего порядка находят во внешней торговле прямое и сильное подкрепление. Таким образом, взаимную связь народов мы можем почти безошибочно определять размерами их внешней торговли. Постараемся же, руководствуясь нашим автором, сравнить эту материальную связь.

Итог движения внешней торговли России с другими державами до 1827 года не достигал средним числом даже 100 000 000 рублей серебром. Возвышаясь затем постепенно, он представлял в 1847-53 годах средним числом ежегодной ценности почти на 192 171 000 рублей серебром. Вот наши связи и основа наших интересов вне пределов Империи. Заметим, что здесь принята в расчет не только европейская, но и азиатская торговля.

Посмотрим теперь на другие страны Европы. Торговля Германского Таможенного Союза представляет итог в 361 185 300 рублей серебр., Франция в 449 675 000, Вели-

кобритания более 891 387 000. Какая масса интересов приводится здесь в движение! Какая прочность сделок и связей требуется для таких громадных оборотов!

Еще более это связующее действие внешней торговли представится нам, когда мы примем в расчет отношение капиталов, завязанных в ней, к числу жителей страны. В то время, как на каждого англичанина приходится 33 рубля, на бельгийца 22½ руб., на немца более 13 рублей, на француза более 12⅔ руб., на австрийца 4 1/10 руб., русский участвует в размере только 3 р. 2 к. в этом международном обороте!

В этих сношениях, впрочем, Европа и Азия играют различные роли. Россия как по своему географическому, так и по торговому положению, значительно склоняется к первой, уделяя последней только незначительную часть своего богатства. В тридцать два года (1822-52) наша европейская торговля обняла ценность в 4 208 590 700 рублей серебром, тогда как азиатская не превышала 522 434 000 руб., то есть последняя почти в восемь раз менее первой. Эти цифры представляют нам наличное доказательство того, что главная забота наша должна быть обращена на наши европейские сношения, а не на сношения с Востоком, которые вообще представляются нам менее выгодными и менее обширными.

Заметим притом, что европейская торговля привлекает к нам капиталы денежные, тогда как азиатская, напротив, увлекает их из нашего внутреннего оборота. Таким образом, в рассматриваемые нами года мы получили из Европы на-

личными деньгами с лишком на 144 миллиона рублей более, нежели вывезли в нее, а в Азию в то же время отпустили золота и серебра более, чем получили, на 43 380 100 р.

Мы говорим это не потому, чтобы придавали этому факту особое экономическое значение или придерживались старого меркантильного учения о балансе торговли; напротив, мы в этом отношении вполне разделяем мнение Л. В. Тенгоборского, высказанное им на 39 странице его книги, а хотели только узнать данные, которые бы могли привести к надлежащим размерам мнения тех, кто желает увеличения наших торговых сношений с Азией, и в то же время хочет удержать в государстве драгоценные металлы.

Обращаясь к нашим общим оборотам с другими народами, мы в пятилетний период до 1851 года включительно, находим, что ввоз в это время ежегодно достигал 93 000 000 р. серебром; из этой суммы по цене только 16 проц. приходилось на долю фабрикатов; более одной трети привоза состояло из суровья для наших фабрик, а 45½ (т. е. почти половина) из предметов, служащих для пищи; следовательно и внешняя торговля несколько кормит нас. По ценности первым предметом представляется нам привозной сахар (9 660 100 руб.), затем хлопка (8 310 800 руб.), далее вина (6 592 200 руб.), и только четвертое место занимает чай (6 462 600 руб.), несмотря на его высокую оценку. Для наших фабрик суровья наиболее доставляет европейская торговля (более 30 млн. руб.), а наименее – Азия (менее 1 % млн. руб.).

Общий отпуск наших товаров, превышающий 102 000 000 руб. ежегодно, с лишком на половину (54,3 проц.) состоит из суровья для фабрик, и менее 31,8 проц. из съестных припасов. Обделанные произведения составляют по ценности 1/10 этой торговли. Главный предмет вывоза отдельно состоит: из хлеба (более 30 миллионов р.), затем из сала (более 12½ млн. р.), потом из льна (около 10½ млн. р.). Таким образом, мы льна продаем по цене почти вчетверо более шерстяных или бумажных материй; хлеба вдесятеро, или и более, следовательно наше земледелие приносит нам несравненно более выгоды при сделках с иностранцами, нежели наши фабрики.

Мы здесь коснулись только главнейших результатов, приведенных в рассматриваемом сочинении, хотя и не высказанных в нем, и коснулись не для того, чтоб изобличать какие-нибудь недостатки или стремления, а чтоб показать силу естественного течения вещей, по которому всякая молодая и свежая страна бывает по преимуществу страной земледельческой. Эта сила вещей обыкновенно так велика, что всякое противодействие ей, с чьей бы стороны оно ни происходило, остается безуспешным, и народ, предпринимаящий такую попытку, навлекает на себя тяжелую ответственность. Закон возмездия проявляется во всей силе. Отчужденный от интересов других племен, народ этот подвергается всеобщей нелюбви. Напрасно Китай думал оградить себя стеной и законами от вторжения чужих народов и чужих товаров.

Недовольные народы разрушили эти твердыни, и всеобщие рукоплескания были наградой увенчавшихся успехом усилий. Можно даже положительно сказать, что ничто столько не вооружает против себя общественного мнения, сколько разрыв и ослабление внешних торговых сношений. Быть может, много крови и сил было бы сбережено в Европе без жалкого стремления к так называемой промышленной независимости, освященной меркантилизмом. «Что было бы с нами без наших фабрик?» – говорят многие во время войны, доказывая важность того или другого производства, возникшего под сенью запретительной системы в стране, и забывают, что, по всей вероятности, без этих фабрик не было бы самой войны, потому что народная вражда в значительной степени вызывается теми лишениями, которые происходят от стеснения торговли для промышленной нации. Действительно, чем более существует запрещений, и чем выше пошлины на привозные товары, тем дороже становится производство в стране; чем оно дороже, тем менее является покупщиков на него; а следовательно менее сбыта, и тем менее выгод для продавца. Это можно видеть из многих мест предыдущих томов сочинения г. Тенгоборского. Торговый человек, как и производитель чужестранец, теряет от возвышения тарифа той страны, с которой он вел торговлю. Естественно поэтому, что он не может сочувствовать ни ей, ни ее правительству. Напротив того, уязвленный в своих материальных интересах, постоянно теряя часть своего дохода, он становится

в ряды непримиримых врагов страны, которая была виной его потерь. И это для него тем легче, что политический разрыв с ней уже не подействует непосредственным образом на его производство, которое даже может иногда получить от того еще большее развитие в будущем, и надежду на изменение существующих международных отношений. С другой стороны, такое же положение образуется и в той стране, которая приняла начала запретительной системы. Получая мало из-за границы, она естественным образом и мало сбывает туда; а потому не достаточно дорожить мирными сношениями, чтобы противодействовать угрожающему разрыву. Мало того, вследствие образовавшейся туземной промышленности, однородной с иностранной, она даже привыкает смотреть враждебно на другие народы, которые представляются ей соперниками и врагами. Вот почему мы видим, что чаще всего происходят столкновения между теми народами, которые строже всего держатся запретительной системы. Разрыв делается тем возможнее, что между ними существует мало прочных связей: число лиц, поддерживающих взаимные коммерческие сношения, обыкновенно бывает в таких странах довольно ограничено; а еще менее таких, существование и будущность которых зависели бы от хода этой торговли.

Поэтому каждый народ, который дорожит спокойствием и прочными связями с другими народами, как это непременно бывает при известной степени его развития, должен также

дорожить и всем тем, что увеличивает потребление чужеземных произведений, тем более, что вместе с этим необходимо увеличивается его довольство, и возбуждается туземная трудовая деятельность.

К таким произведениям в особенности принадлежат так называемые колониальные продукты. В России в упомянутые года (1847-51), потребление их (считая в их числе и чай) достигало до 18 млн. рублей в год, что дает по 30 коп. сер. до жителя Империи. В тоже время в Таможенном Союзе их потреблялось по 91 коп. на человека, в Австрии по 27 коп. сер., во Франции по 58 к., в Бельгии по 1 р. 91 к., а в Англии по 3 р. 29 к. на человека. Если мы возьмем отдельные продукты, то кофе потребляется в России 0,14 ф., в Австрии 0,65 ф., в Великобритании 1,4 ф., во Франции 1,12 ф., в Таможенном Союзе 3,68 ф., в Бельгии 10,46 ф. на душу; а вместе с чаем в Бельгии 10,41 ф., в Германии 3,54, в Великобритании 3,53, во Франции 1,13, в Австрии 0,65, а в России 0,37 ф. на человека. Сахару (считая и туземный) мы потребляем по 2 ф., австриец 2,84, немец Таможенного Союза 6,33, бельгиец 6,68, француз 9½, англичанин 29,66 фунта. Вообще исследования Л. В. Тенгоборского об этом предмете заслуживают полного внимания: он ясно доказывает все последствия, происходящая от нашего устройства торговля чаем. Отрешая себя от европейской торговли этим произведением, мы тем самым даем неотразимый перевес в нашей торговле китайцам, которые таким образом управляют нашими ценами из глубины

своих степей.

Вино, обложенное у нас пошлиной в 15—48 рублей сер. за оксофт, потребляется в европейской части России в количестве 0,10 ведра (принимая в счет и туземное производство), Англия в тоже время потребляет 0,08, Бельгия 0,17, Таможенный союз 0,31, Австрия 5,1, Франция 8,68 ведра на человека. Рому, араку. французской водки и т. п. продуктов спиртных привозных, у нас потребляется 0,006 ведра на каждого горожанина, тогда как в Англии потребляется 0,0644 на душу.

Мы не станем следовать за ученым автором в его частных исследованиях касательно других, более дробных предметов. Заметим только, что все почти предметы потребления этого рода у нас возвышались. С среднего числа 1824-7, до среднего за 1851-3 плоды возвысились от 1 272 000 до 3 217 500 руб., соль от 3 407 900 до 5 699 800 р., рыба от 582 100 р. до 2 001 000; скот (в Азии) от 374 400 р. до 1 368 100 руб.; табак от 58 863 пудов (1828-30) до 148 682 пудов (1853 года), и лекарственные предметы от 489 600 р. до 897 500 р. Такое увеличение бесспорно показывает повсеместное развитие у нас благосостояния, развитие, которого, без сомнения, никто не станет отрицать пред рядом таких показаний.

Причину этого мы должны главным образом видеть в мерах правительства, которое, к счастью, никогда не держалось строгой запретительной системы, понимая весь вред ее;

оно для достижения своих целей употребляло только различной высоты пошлины, и замечательно, что с возвышением и понижением их происходили известные изменения в симпатиях к России. Это указано было еще покойным графом Канкриным в его «Экономии человеческих обществ», в которой (стр. 242) он 1822 год считает временем, с которого усиливаются возгласы против России, и то недоброжелательство, которое в последнее время окончилось войной. Он объясняет это неудовольствием тех, которые до того времени занимались контрабандой; но скорее можно объяснить это тем, что среднее сословие, играющее важную политическую роль в государствах Запада, не могло забыть ущерба, который оно потерпело от уменьшения сбыта своих произведений и ослабления торговых сношений, хотя потом и увеличившихся, но не в том размере, как можно было бы ожидать при более низком тарифе. Нельзя не сожалеть, что г. Тенгоборский не касается этого вопроса, потому что тариф не был чужд последних политических событий.

В тарифе также можно видеть одну из причин, которая заставила западные государства предпочесть союз с Турцией миру с Россией. Из всех стран европейского континента Турция представляет вообще мало стеснений и ограничений для внешней торговли. Довольствуясь небольшой ввозной пошлиной, тамошнее правительство не покровительствует туземной промышленности, но тем связывает интересы иностранцев со своими и заставляет их принимать участие в

судьбе своей.

Во многих повременных изданиях Запада, между прочим, высказаны были эти причины сочувствия к этому государству. В особенности английские журналы любят настаивать на том, что Турция гораздо важнее для английской торговли, нежели Россия.

Действительно, общий оборот турецкой торговли с Великобританией превышает оборот нашей торговли с ней. Исключение представляют только ввозимые к нам сырые произведения, назначаемые для фабрик, хотя и здесь Англия доставляет преимущественно чужие произведения. Таким образом, из Англии привозится нам до 75 проц. всего потребляемого нами хлопка; но известно, что не она производит его. При бумажной пряже, которой она доставляет нам 17/20, правда, участвует и ее производительность, но только отчасти. В Турции напротив, сбывая бумажные материи, Англия выигрывает более, а следовательно и имеет более интереса в ее поддержании. Правда, за то мы имеем свое бумажное производство, но мы знаем, что это производство сопровождается вообще соответствующим упадком льняной промышленности.

В числах, представленных г-м Тенгоборским, видно усиление у нас бумагопрядилен, по относительному увеличению привоза хлопка, и уменьшению ввоза бумажной пряжи. С 1824-6 до 1851-3 первый увеличился с 74 268 пудов до 1 666 350 пудов, второй уменьшился в то же время с 337 101

пуда до 124 054 пудов.

Шелку мы получаем 17 939 пудов, из которых 40 процентов из Персии 31 4 из Пруссии, которая доставляет нам большей частью итальянский шелк. Заметим при этом, что европейский шелк не представляет никакого соперничества нашему шелководству, тогда как персидский и вообще азиатский, прямо соперничает с нашими кавказскими шелками.

Шерсть, доставляющая сырой материал для нашей суконной и тому подобной фабрикации, в настоящее время получается нами более из Азии, нежели из Европы. Тогда как в 1824-8 первая доставляла более 9500 пудов, а вторая менее 350 пудов, в 1849-53 годах из Европы мы получали только 3 431, а из, Азии 16 400 пудов в год. То есть мы получаем теперь более грубой, чем тонкой шерсти. Причину этому г. Тенгоборский совершенно справедливо видит отчасти в возвышении тарифа на тонкую мериносовую шерсть.

Кроме этих сырых материалов, наша фабрикация, как и всякая другая, требует также различных других веществ, входящих в обработку произведений. Первое место в этом отношении занимают красильные продукты, которые мы большей частью принуждены получать из-за границы. Поэтому возвышение их количества в привозе косвенным образом свидетельствует о распространении внутри страны фабричной производительности.

Привоз индиго в Империю с 14 535 пудов (1824-6) возвысился до 53 093 пудов; гаранса и гарансина с 16 605 п. до

116 892 пудов; кошенили с 2031 до 7223 пудов; красильного дерева с 285 976 до 510 195 пудов. Из других предметов, употребляемых в нашей заводской промышленности, москательные товары представляют пятилетнюю среднюю ценность (1847-53) в 1 722 600 руб.; олово 354 644 пуда; свинец (1853) 36 146 пудов; сталь (1853) 36 364 пуда; каменный уголь (1851-3) привозился на 1 232 700 руб.; оливковое масло в то же время привозилось в количестве 562 900 пудов.

Этим почти и ограничиваются те произведения, которых требует наша фабрикация из-за границы. Но с тем вместе она конечно удерживает от ввоза в государство гораздо большей массы ценностей, которую мы могли бы примерно вычислить, если б только сравнили туземную производительность и потребление с потреблением подобного рода в других странах, поставленных в иное экономическое положение. Автор не останавливается на этом соображении и прямо переходить к рассмотрению привоза фабричных произведений в наше отечество. Мы последуем за ним в том порядке, в каком излагает он предметы, обращая внимание на то влияние, которое в нашей торговле произвело понижение тарифа 1850 года, когда соединено было с Империей и Царство Польское в одно таможенное целое.

Шелковые материи в Империи увеличились в привозе на 7 процентов с 1851 года; однако, если принять во внимание Царство Польское, то не только не оказалось в привозе увеличения, но он даже уменьшился на проц.: это доказывает,

что тариф в этом отношении был слишком высок до того времени. Ценность ввоза шелковых материй теперь не достигла (1851-53) даже четырех миллионов рублей серебром.

Ввоз бумажных материй после изменения в тарифе увеличился на 29 процентов, представляя среднегодовую ценность в 1 330 800 руб. сер. Этот факт, по мнению г. Тенгоборского, представляет доказательство отсталости нашей бумажной фабрикации.

Шерстяных материй, напротив, несмотря на понижение тарифа, ввозится на 31 процент менее; они представляют в 1851-3 годах ценности на 225 000 руб. сер. в год. В противоположность тому льняные и пеньковые изделия увеличились по привозу на 65 процентов, представляя среднюю годовую ценность в 858 500 руб.; в то же время, несмотря на понижение пошлины, привоз блонд и кружев уменьшился на 10 процентов.

Из других товаров привезено:

	1846-50	1851-3	Увеличение
кос и серпов	на 539 300 р.	676 000 р.	25 %
ножевого товара	на 423 900 р.	689 300 р.	63 %
часов	на 478 400 р.	695 800 р.	45 %
кож	на 288 400 р.	80 900 р.	
перчаток	на 126 400 р.	199 200 р.	57 %
духов, помад и т. п.	на 170 900 р.	190 500 р.	11 %
фаянса	на 116 100 р.	137 700 р.	10 %
музыкальн. инструм.	на 108 200 р.	175 700 р.	50 %

Это почти всеобщее увеличение привоза предметов удобства и роскоши свидетельствует о возрастании довольства и богатства, которое вообще усиливается в стране с каждой рациональной мерой. И напрасно думают некоторые, что при этом терпят производители. Представляя взаимный обмен произведений, внешняя торговля цифрой привоза уже указывает на цифру вывоза из страны. Не вывозя в Европу денег, если принять официальный баланс, мы естественно за излишек получаемых нами произведений должны платить продуктами своей почвы и своего труда. Все эти частные изменения, впрочем, еще мало действовали на расширение наших торговых связей с главными производительными народами Запада, и наш тариф до такой степени пугает их, в особенности Англию, что известный орган английской торговой публики «Экономист» видел особенную пользу последней войны в том, чтоб Турция не приняла начал нашего тарифа. Умеренный тариф Турции доставил ей следовательно помощь Запада, выразившуюся в военных силах, в открытии кредита в иностранных капиталах и в поддержке общественного мнения. Не нынешнее состояние империи, а ее будущность сулила барыши западным промышленникам и занятия их капиталам; но выиграло от этого все-таки нынешнее Оттоманское государство. Мы приводим этот пример с целью показать, что живая торговля принесла и здесь свои плоды. Для объяснения этой стороны внешней торговли может послужить и развязка настоящих политических несогласий Ан-

глии с Северной Америкой, из которых с каждой мы, как видно из данных нашего автора, находимся в близких торговых сношениях, и которых согласие имеет для нас важность. Стоит только взглянуть на любой орган общественного мнения в обеих странах, чтобы убедиться, что главное побуждение к сохранению мира, составляют те тесные многообразные торговые связи, которые соединяют эти страны. Ближайшим доказательством вреда войны между ними представляется цифра внешних торговых сношений, которые делают из обоих государств как бы одно целое, и которые, в случае своего прекращения, грозят разорением и бедностью многочисленному классу народа по обеим сторонам океана.

Народы образованные везде живут для мира и труда; и то, что нарушает естественное развитие труда, возбуждает общую тревогу и неудовольствие. Соединенные Штаты Северной Америки поэтому никогда, можно сказать, не готовятся серьезно к войне и не отвлекают на ранние приготовления своих сил; но они с каждым днем уменьшают возможность войны, посредством многостороннего развития своего труда, увеличения своей энергии, приобретения капиталов, посредством усиления образования и, наконец, посредством расширения внешней торговли, стараясь повсеместно найти сбыт для своих произведений и завязать дружественные сношения.

Для нас тем важнее изучать торговую политику этого государства, что оно является нашим соперником в главных

статьях вывоза и именно на том рынке, который представляет наибольший запрос на наши произведения. Таким образом, по данным за 1845-9 года, пшеницы в английские порты привезено из Соединенных Штатов 729 529 центн., тогда как из России только 441 314 центн. в год, и даже прибавив к нашему отпуску часть отпуска прусского и тому подобного, мы все-таки должны уступить первое место Северной Америке. Соперничество с ней возможно для нас будет только тогда, когда и в приготовлении, и в сбыте произведения мы усвоим себе те приемы, которые господствуют по ту сторону океана.

Хлебная торговля наша вообще рассмотрена Л. В. Тенгоборским с большим тщанием и знанием дела. Можно сказать, что это один из лучших трактатов об этом предмете, и лучшая часть рассматриваемого нами тома. К сожалению, мы не можем следить за автором во всех подробностях его изложения; а потому ограничимся только простым указанием за главные выводы его.

Средним числом ввозится нами 3 436 260 четвертей зернового хлеба, из которого на долю пшеницы приходится 63,8, ржи 22,8, овса 9,29 процента. Более 9/10 первой вывозится через черноморские и азовские порты, более половины ржи и около половины овса через балтийские; следовательно, в этой торговле юг Империи играет главную роль, и это видно из того, что в хлебной торговле Одесса занимает первое место, почти вчетверо отпуская хлеба более нежели Петербург.

Хлебная торговля в обширном смысле слова занимает ежегодно около 23 миллионов руб. Около 22 % этой суммы уплачивает нам Англия, 17 Италия, около 16 Франция, около 14½ Турция. В отношении к сумме нашего отпуска хлеб составляет почти 20 процентов.

Скота вывозится нами на 574 667 рублей, рыбы и икры на 227 850 рублей, масла на 149 200 рублей, спирту на 64 180 рублей, сала на 12 019 550 рублей, льна и пеньки на 15 521 000 рублей, льняного и конопляного семени на 6 153 500 рублей, шерсти на 6 377 000 руб., строевого леса на 2 618 400 рублей, щетины на 1 634 100 рублей, гривы на 238 900 рублей в год. Кроме того мы вывозим железа на 1 350 800 рублей, меди на 1 599 700 рублей, кож на 1 158 100 рублей, заячьих шкур на 2 373 200 рублей, поташу на 880 666 рублей, смолы на 199 680 рублей, рыбьего клея на 573 680 рублей, рыбьего жира на 86 080 рублей, шелку сырца на 181 950 рублей, костей на 128 200 рублей, воска на 408 930 р., красильных веществ на 158 300 рублей, стеарина и олеина на 102 530 рублей. Все эти средние выведены за продолжительное время, большей частью за тридцать лет.

Из фабричных изделий вывозится из России шерстяных тканей на 1 591 970 рублей, бумажных на 1 623 300 рублей, льняных и пеньковых на 2 369 850 руб., канатов на 764 900 рублей, шелковых тканей на 73 730 рублей, кожаных изделий на 1 390 330 рублей, металлических изделий (за пять лет на 358 700 рублей, свечей на 115 500 рублей, драгоценных

предметов на 78 250 рублей; кроме того мехов на 1 826 400 рублей, перьев и пуху на 422 600 рублей, липовой коры на 159 030 рублей, лекарственных и аптекарских материалов на 185 200 руб., драгоценных камней на 118 500 рублей в год.

Вот главные цифры нашей отпускной торговли за последнее время. Ничем не стесняемая, она в большей части предметов увеличивается с каждым промежутком времени, находя себе опору и пищу в нуждах чужого населения и иноземной промышленности, и питая в то же время туземный труд и производительность. Воображение с трудом может объять многообразное ее влияние и значение, переходящее за границы частной сделки.

Наше правительство давно поняло это значение такой торговли, и мы видим в законах наших лучшее тому доказательство. Таким образом между главными обязанностями министра финансов у нас поставлено охранение правь и выгод заграничной торговли и особенно удаление по возможности всех препятствий, свободное ее течение препинающих. (Св. Зак. Т. I, кн. IV, ст. 887, изд. 1842 года). Действительно, при небрежении этого правила во внешней торговле народа является целый ряд неблагоприятных для его развития отношений, которые продолжительным своим существованием могут дать повод к событиям, предотвращение которых составляет для государства вопрос особенной важности. Отсылая любопытных как в этой, так и к предыдущим частям разбираемого сочинения, мы не будем останавливаться

над этой мыслью в частности, но стараемся представить некоторые из этих отношений, не высказанные нашим автором, и имеющие приложение к отпускной торговле.

Первое из них есть упадок ценности того произведения, отпуск которого по какому-нибудь случаю останавливается или уменьшается, а это всегда бывает при излишнем обременении привоза, ибо в естественном состоянии внешней торговли платится за товар товаром, а деньги только дополняют лишек и сводят счета. Всякий торговец старается купить преимущественно там, где продает, сберегая этим издержки одного пути. Не позволяя везти к себе какой-нибудь товар, например фабрикаты, мы тем самым отказываемся от продажи своего, соответственного ему по цене, произведения, например хлеба. Это последнее произведение естественно упадет от того в цене, и тем уменьшает доход производителей. Поэтому мы обыкновенно слышим в государствах, в которых существует излишне покровительственная система, постоянные жалобы со стороны землевладельцев на упадок дохода и на возрастающую несостоятельность. В таких странах встречаются даже местности, где обогащение земледелием есть вещь неслыханная.

Второе следствие от нарушения положения, высказанного в наших законах, проявляется в возвышении цены на все продукты того порядка, который подвергнут стеснению. Отсюда происходит уменьшение потребления, следовательно и соответствующего довольства в народе, и уменьшение тор-

говых капиталов. Торговцы здесь также терпят, как и землевладельцы. Их сношения и размеры их сделок необходимо уменьшаются, как уменьшаются и выгоды покупателей, на счет которых падают содержание купеческого сословия и барыши фабрикантов. Вот почему в иных странах сильны жалобы на дороговизну и часты воспоминания о старом времени.

Мы счастливы тем, что у нас нет подобного рода явлений, иначе бы они необходимо выразились и в наших сношениях с другими народами. Сочинение г. Тенгоборского дает возможность проследить, так сказать, шаг за шагом наши торговые связи.

Главный путь наших внешних сношений, как и везде, есть морская торговля. Она обнимала 93/100 всей нашей заграничной торговли; следовательно почти в 12 раз превышала сухопутную. Таким образом, блокада берегов для нас в двадцать раз тяжелее, нежели прекращение дружественных торговых сношений с соседями по матеруку.

В отношении к нашей морской торговле первое место занимают балтийские порты, ввоз в которые достигал почти 86 $\frac{1}{3}$ проц. всего морского в последнее пятилетие; впрочем, в отпускной торговле относительное значение их как бы уменьшается: вместо 88 % проц. (1824-8) они получают на свою долю только 60 % (1849-53). В тоже время черноморские и азовские порты быстро поднялись: в привозной торговле 1824-8 г. они участвовали только на 6,7 проц., в от-

пусковой на 10,8; а в 1849-53 г. привоза на их долю приходилось 13,2 проц. и около 34 проц. отпуска в год. Эти цифры указывают нам ту важность, какую для нашей торговли имеет южное поморье бывшего Русского моря.

Изо всех портов наших первое место занимает Санкт-Петербург, двигающий 54,3 проц. внешней морской торговли; за ним следует Одесса (15,6 проц.), обогнавшая Ригу, которая в продолжение тридцати слишком лет почти не увеличила своей торговли.

Из европейских государств, по привозной торговле, первое место занимает Англия, на долю которой приходится 33,9 проц. всего ввоза, затем Пруссия (11,2), Франция (10,8), Америка (10,1), Ганзейские города (7,8), Турция с Грецией (6,3) и т. д. Таким образом, последний разрыв наш, если бы он сопровождался действительным прекращением сношений со всеми воюющими державами, должен был бы на половину уменьшить наш привоз. В отпускной торговле Англия играет еще важнейшую роль: она скупает почти половину вывозимых произведений нашей почвы (49,2 проц.). Нидерланды с Бельгией и Франция покупают каждая в семь раз менее, нежели Великобритания. Почти то же значение для нас, как последние две страны, имеет и Европейская Турция с Грецией. Остановка отпуска в случае войны с этими державами поэтому должна была превышать даже привоз, что и оказалось между прочим в последнее время в невыгодном курсе наших торговых мест на города Запада.

Разбирая в частности нашу торговлю, мы находим, что с Англией мы ведем преимущественно торговлю следующими произведениями: получаем хлопка (28,6 проц.), красильные вещества (12,8 проц.), машины (7,4 пр.), шерсть (6,3), соль (5,4 пр.) и бумажную пряжу (5 проц.), – все предметы сырые и нужные для нас. Вывозим туда главнейшее: хлеб (22 проц.), сало (16½), лен (16,3), масляные семена (11,8), пеньку (9,9), шерсть (7 проц.) и т. д. – Пруссия ввозит к нам шелковые ткани (17,9 пр.), шелк-сырец (8,9), бумажные ткани (6 проц.) и т. д.; вывозит: хлеб (25,2 проц.), лен (16,8), строевой лес (12,6), медь (7), скот (6,1), масляные семена (5,9), меха (5,7). Франция ввозит нам вина и т. п. (46 проц.), моды и т. п. (13 проц.), краски (9,3), бриллианты (6,6) и т. д., след. преимущественно предметы роскоши; а вывозит: хлеб (59,6), лен 15,6), шерсть (7,4), масляные семена (5,1) и пр. Австрия ввозит к нам: соль (36,3), металлические изделия (11,6) и пр., вывозит хлеб (50,1), шерсть (20,1), скот (9,2) и т. д. Из Европейской Турции мы получаем сушеные плоды (20,8), табак (13,9), бумажные изделия (8), вина (7,1), оливковое масло (6,1) и пр.; вывозим туда хлеб (70), шерсть (7,6) и т. д.

В азиатской торговле нашей первое по привозу место занимает Китай, на долю которого приходится (43,8 проц.), затем Персия (23,6 пр.), далее Киргизские степи (13 пр.), потом Азиатская Турция (5,2) и т. д. По отпускной торговле порядок этих держав несколько изменяется: первой оста-

ся все-таки Китай (60 проц.), но за ним следуют Киргизские степи (16,8), Персия (8,1) и Азиатская Турция (7,2). Весь почти ввоз из Китая ограничивается чаем (94,4 пр.), а вывоз туда неравным образом разделяется между шерстяными (42,3), бумажными (22,8), материями, мехами (18), юфтью (9,8 проц.) и т. д. Персия доставляет нам бумажные ткани (39,8 пр.), шелковые (11,9), шелк-сырец (10,6), сухие плоды (9 проц.) и пр., а получает от нас железо (19,8), кавказский шелк (15,7), москательные товары (7,3), металлические изделия (6,9), красильные вещества (6), медь (5,8) и т. д. Киргизские степи высылают нам скот (68,9 проц.), сырые кожи (9,4), меха (5,6) и пр., а получают бумажные ткани (47 проц.), хлеб (16,3), юфть и выделанные кожи (12), шерстяные материи (6) и т. д.

Азиатская торговля, впрочем, не столько требует наших товаров, сколько наличных денег. Этот старинный характер она вероятно удержит до тех пор, пока изменение нравов не вызовет в ней иные формы потребления, в настоящее время еще очень ограниченного.

Кроме изложения сношений наших с другими державами, г. Тенгоборский посвящает несколько страниц нашим сношениям с Царством Польским и Великим Княжеством Финляндским. Первое в настоящее время введено в одну таможенную систему с Империей, а потому сведение о его торговле имеет только историческое значение. Второе, напротив, существует, как самостоятельное целое: оно при-

возит в Империю на 895 400 рублей (23,4 бумажных тканей, 22,2 железа, 15,7 смолы, 9 проц. масла), и вывозит на 1 989 700 руб. (хлеба 65,3, табаку 6,2 проц.). С иностранными государствами Финляндия поддерживает привозную торговлю в 4 730 800 руб., и отпускную в 2 008 900 руб., что представляет огромный перевес привоза, вероятно истекающий из страны тайным путем контрабанды. Вообще Финляндия значительно выигрывает от своих связей с Империей и от своего умеренного тарифа. В Финляндии землевладельцы, купцы и рабочее сословие пользуются полным благосостоянием, для них доступным. И она может представлять нам пример благотельного влияния низкого тарифа. Работник всегда находит себе там естественное занятие, не стесняясь требованием одной какой-либо отрасли труда, особо покровительствуемой. Для получения верного хлеба работник не отправляется в отдаленный город и не разрываете связей своих с семейством, родными преданиями и родными привычками. А мы знаем, как невыгодно такое положение для рабочего, в особенности если он должен еще часто возвращаться домой. Заработок естественно уменьшается от таких частых переходов, и целое население привыкает к бродяжничеству, производящему неблагоприятное влияние на развитие народного богатства. При низкой цене товара, неразлучной с низким тарифом, потребление товара в стране обыкновенно быстро увеличивается, капиталы скоро накапливаются, и рабочий класс остается в выгодном эконо-

мическом положении с надеждой на значительное улучшение своего быта. В противоположность этим явлениям, противоположная торговая система возбуждает потребности, не удовлетворяя их, и нарушает равновесие производящих сил в народе. Является несоразмерность издержек и образа жизни, и как результат этого – всеобщее недовольство существующим порядком вещей.

Этой причине мы должны приписать некоторые печальные явления во многих европейских государствах. Возбужденное состояние промышленности при уменьшении потребления составляет одну из причин тех внутренних потрясений, которые приобрели такую знаменитость в последнее время. Мы видим их везде вместе с началом меркантильных, стеснительных мер, соразмерно с усилением которых они и приобретают господство. Доказательство тому можно видеть в том, что в челе движений подобного рода везде почти является рабочий класс, или те, которые выдают себя за его представителей и пользуются его симпатией. Естественно поэтому, что г. Тенгоборский везде склоняется в пользу низких пошлин. Потрясения бывали особенно сильны там, где выше тариф: в последнее время в Австрии они были сильнее, нежели в Пруссии, во Франции сильнее, нежели в Германии. Вообще масса неудобств, а также жалобы на них, сильнее в странах запретительной системы. Франция, благодаря своим меркантильным убеждениям сделавшаяся классической страной волнений, большой революцией не кончила ря-

да взрывов, потому что приняла те же торговые начала, как и при предыдущем правительстве, и ряд перемен окончится в ней только с лучшим удовлетворением потребителей. Наполеон I обязан был полным успехом отчасти расширению таможенной области Франции, и его племянник, не чуждый начал свободной торговли, до сих пор действует в выгодах потребления, а следовательно в выгодах как владения, так и труда действующего. Не кровавый пот, а удачная спекуляция обогащается под покровительством запрещений. Не знание и сила, а невежество и слабость требуют пожертвований со стороны своих сограждан, и не истинный производитель пролагает дорогу к карману соседа.

Неестественный порядок вещей рождает и неестественные отношения. Труд не получает в нем того вознаграждения, на которое он вправе рассчитывать; и в государстве образуются экономические особенности, имеющие значительное влияние.

Одна из этих особенностей состоит в форме торгового мореплавания, на которое между прочим устремляется постоянное внимание всех правительств, прилагающих старание о промышленной независимости страны. Считая одним из условий этой независимости собственное судоходство, они обыкновенно стараются различными мерами ограничить чужое мореплавание. Этой политики следовали еще недавно все почти государства Европы. Везде почти были различные постановления, смотря по различию национальности судов;

езде почти чужие корабли должны были оплачивать большие пошлины, и подвергаться различным формальностям. В настоящее время, впрочем, эти неровности сглажены или путем международных договоров, или путем внутренних распоряжений. Убедились, что такого рода стеснения приносили стране более вреда, нежели пользы. Россия в этом отношении была одной из первых, вступивших на путь взаимного уравнивания флагов, и следствием этого было значительное усиление торгового судоходства на ее морях. С 1824 года оно увеличилось на 92 проц. в отношении к числу судов, и на 112 проц. в отношении к числу тонн, ими представляемых. Увеличение это, впрочем, было неравномерно, смотря потому, сколько приходило кораблей с грузом и сколько без него. Отчасти по самому характеру нашей торговли, отчасти вследствие влияния нашей таможенной системы, число первых относительно увеличилось менее, нежели число вторых.

В общем числе вошедших и вышедших кораблей первое место занимает Балтийское море, на порты которого приходится судов 7633, тогда как в черноморские и азовские порты, в те же 1849-53, приходило только 6591 средним числом; но взамен того число тонн в последних превышало тонны балтийских портов: в отношении к целому движению русской морской торговли черноморско-азовские порты занимали 46,7 проц. тонн, а балтийские только 44,1. В 1852 и 1853 годах и численный перевес кораблей был уже впрочем на стороне черноморских и азовских пристаней. Беломор-

ская торговля занимала только 71,8 проц. всего числа тонн и 1381 судно; а каспийская – 1,4 проц. и 461 судно.

Из балтийских портов по числу тонн первое место занимает Кронштадт (51 проц.), как преддверие Петербурга, затем Рига (37 проц.); из малых портов Нарва (3,6), Либава (3,2) и др. Л. В. Тенгоборский, останавливаясь на малых оборотах Либавы, находящейся в наиболее выгодном географическом положении из всех портов, справедливо указывает на важность внутренних путей сообщения для внешней торговли. Беломорская торговля вся почти совершается чрез Архангельск (92 тонны), оставляя небольшую долю Онеге, впрочем постоянно увеличивающейся в своем торговом значении.

Из южных портов наших Одесса по числу тонн занимает первое место (46,6), за ней следует Таганрог (18,8), Бердянск (8,8), Измаил (7,6), Керчь (5 проц.) и т. д. По относительно-му числу тонн всех наших морских пристаней вместе взятых главные из них следуют в таком порядке: Кронштадт, Одесса, Рига, Таганрог, Архангельск, Бердянск, Измаил, Керчь и т. д.

Что касается до флагов, под которыми совершалось наше торговое движение, то по числу тонн первое место занимают английские суда (31,7 проц.), затем русские (12,9), греческие (10 проц.), австрийские (7,4), сардинские (5,5), нидерландские (5,2), турецкие (4,8), шведские (4,8), прусские (3,6), мекленбургские (2,7), французские (2,2), ионические

(1,9), датские (1,8), неаполитанские (1,5), северо-американские (1,4) и т. д. Наибольшее число русских судов замечается на Балтийском море (849), затем на Черном и Азовском (648), Каспийском (420) и наконец на Белом (271). Первое место по числу тонн русские суда занимают на Каспии, в Балтике второе, в Белом море третье, в Черном и Азовском четвертое.

Все эти показания взяты нами из средних 1849-53 годов и представляют положение, предшествовавшее последней войне. В заключение мы приведем здесь несколько цифр о торговом мореплавании Финляндии, почерпнутых из того же источника, за тот же период времени. Всего в эту страну приходит 2520 судов в 190 982 тонны, из которых $\frac{3}{4}$ приходится на долю национального флага. Входящих судов было 1302 (в 93 698 тонн), из которых 494 с балластом; выходящих 1218 (в 97 254 т.), из которых 190 с балластом.

Каботажная торговля наша, занимающая 11 888 судов, в течение 22 лет (с 1827) более нежели учетверилась. Такое увеличение преимущественно совершилось в южных портах наших. Северные, занимающие 2 тысячи с небольшим судов, оказывают увеличение менее нежели в $3\frac{1}{2}$ раза. Ценность груза в каботажном судоходстве превышала в то же время 16 740 300 р.

К разбираемой части этого сочинения приложены в виде примечаний три мемуара:

1. О наибольшем и наименьшем вывозе хлеба в главных

портах северных и южных.

2. О торговле России с Соединенными Штатами Северной Америки, и

3. О китайской торговле.

Мы в особенности обращаем внимание читателей на последнюю статью как по важности предмета, так и по взгляду, который в ней развивает автор. Торговля эта, основанная на особенных началах, мало помалу подвергается изменениям, неизбежно приводимым силой времени и обстоятельств. Значение этих изменений и дальнейшее их развитие, равно как их предыдущая история, прекрасно изложены нашим автором, так ясно умеющим показать всю невыгоду отсталого положения, или меркантильной практики. Из всего изложения его мы видим, что от нас далеки печальные явления, порожденные господством меркантильной политики в Западных государствах, где в продолжение веков низшее сословие не получало должного вознаграждения, а с тем вместе накоплялась масса неудовольствия, росли счеты стеснений, и рано или поздно не могла не наступить минута расплаты за старые ошибки и предрассудки торговой политики. Та выгода, которую то или другое лицо получило от стеснения торгового оборота, повлекла за собой гораздо большие потери и изъяды вследствие нарушенной гармонии отношений, естественно устанавлиющихся между людьми.

Мы твердо убеждены, что государство, следуя здравой экономической политике международных сношений, будет

свободно и от язвы безвыходного пауперизма, и от потрясений и переворотов, останавливающих успехи народного образования. Поэтому-то вопрос о внешней торговле составляет один из важнейших в народной экономике. Ближайшее знакомство с ним, которое должно быть следствием разобранного нами сочинения, мы уверены, приведет каждого к тем результатам, к которым пришла наука.

Поблагодарим же г-на Тенгоборского за его прекрасные исследования, которыми он обогащает нашу статистическую литературу и нашу экономическую опытность.

И. Вернадский.

1 апреля 1856.